

# ГОДОВЩИНЫ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИИ XX В. КАК СТРУКТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНЫХ ПРАКТИК В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

***В. В. Репин***

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, repinv@bsu. by*

В публикации рассмотрены тенденции и процессы реализации государственной политики памяти и общественных инициатив касательно изменения государственных праздников и памятных дат в Чешской республике после 1989 г.

**Ключевые слова:** историческая память; историческая политика; постсоциалистическая трансформация; юбилеи; Чешская Республика.

## ANNIVERSARIES OF SIGNIFICANT EVENTS OF THE CZECH HISTORY of the XX cent. AS A STRUCTURAL PHENOMENON OF PUBLIC PRACTICES IN THE CZECH REPUBLIC

***V. V. Repin***

*<sup>a</sup>Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus (repinv@bsu. by)*

The publication examines the trends and processes of the implementation of the state policy of memory and public initiatives regarding the change of public holidays and memorable dates in the Czech Republic after 1989.

**Key words:** historical memory; historical politics; post-socialist transformation; anniversaries; Czech Republic.

Практика сохранения памяти об исторических событиях прошлого и их актуализации в публичном пространстве современности является универсальным общественным феноменом, представленным в целом ряде популярных теоретических конструктов, таких как «историческая память», «историческое сознание», «коллективная память», «культурная память», «историческая политика», «войны памяти» [1–3]. Однако в данном тексте мы хотели бы сфокусировать внимание на тех проявлениях символических практик, которые сформировались вокруг специфического чешского дискурса о «магических восьмерках», подразумевающего, что наиболее знаковые и судьбоносные события в чешской истории происходили в году, число которого заканчивалось на 8, или даже просто содержащем восьмерку (как это было в случае «Бархатной революции» 1989 г.). Несмотря на кажущуюся спекулятивность таких нумерологических суждений, данная метафора является весьма популярной и принимаемой в чешской публичной среде, особенно, после событий Бархатной революции ноября 1989 г., который стали началом не

только процессов постсоциалистической трансформации, но и собственно процессов пересборки всех символических публичных практик, касающихся исторической идентичности чехов.

Выстраиваясь в логическую последовательность календарного года, годовщины исторических событий, зафиксированные на уровне государственных праздников и памятных дат, создают своеобразный цикл, важными параметрами которого являются его стилистическая возвышенность, повторяемость, ожидаемость (хотя бы в качестве дополнительного выходного дня в случае праздников), не хронологическое, а структурное соположение его элементов, которые, составляя одно целое на уровне года, не обязательно связаны между собой причинно-следственными соотношениями исторических событий.

На противоречивость механизмов социального повторения указывали многие мыслители современности (Ф. Ницше, В. Беньямин, М. Элиаде). В данном случае мы хотели бы отметить противоречивость, свойственную историческим датам, возвращенным в чешский календарь после падения коммунизма в 1989 г., в которой сочетались морально-юридическое стремление восстановить историческую справедливость и желание консервации итогов постсоциалистической трансформации, реализующееся в форме нового символического календаря.

Возникновению этой противоречивости способствовали конкретные исторические условия.

1. Одновременное переформатирование комплекса практик памяти в рамках начавшейся после 1989 г. декоммунизации и образования с 1993 г. отдельного чешского государства, когда происходящие изменения должны были служить деконструкции социалистического канона и одновременно, так и не вступая в противоречия со словацкой стороной, конструированию сепарированного национального нарратива о событиях чешской истории XX в., рассматриваемого в перспективе общей судьбы народов Центральной Европы, переживших два периода тоталитаризма – нацистской оккупации и власти режимов советского типа.

2. Риторическая позиция в отношении страны – жертвы тоталитарных режимов – и необходимости морального очищения посредством восстановления исторической справедливости, обусловленная морально-политическим пафосом В. Гавла и его сподвижников, прозванных «любителями правды». Данная позиция была сформирована в интеллектуальной среде чехословацких диссидентов, объединенных в рамках социально-публичной платформы «Хартия 77» и

получивших после победы «Бархатной революции» символически монопольное право на определение векторов проработки травматического прошлого.

3. Настойчивое стремление указать на равнозначность следующих друг за другом тоталитарных режимов в рамках Протектората Богемии и Моравии (1939–1945) и социалистической Чехословакии (1948–1989) и противопоставление им в качестве идеалов общественно-политического развития созданной после Первой мировой войны Первой республики (1918–1938) и надежд «Бархатной революции» (1989).

4. Необходимость одновременного изобретения принципов, форм и средств публичной ретрансляции нового взгляда на события XX в. и осуществление их регулярного ежегодного воспроизведения, например, в рамках встречи знаковых исторических дат, ежегодных конкурсов и премий и т. д.

Особый режим функционирования юбилейных практик представляет собой структурный контекст современности, универсальный с точки зрения политико-идеологических трансформаций, или же большей традиционности или креативности в отпавлении данных практик.

Лидирующим по количеству чешских юбилеев мы можем назвать 2018 г., объединивший в рамках календарного цикла ключевые («судьбоносные», по оценкам многочисленных чешских публицистов) события чешской истории XX в., находящиеся в ментальных пластах чешской идентичности: 70-летие Февральского переворота 25 февраля 1948 г., связанного с приходом Коммунистической партии Чехии к монопольной власти; события, связанные с 50-летием Пражской весны 1968 г. и ее подавлением в рамках операции «Дунай» войсками стран Организации Варшавского договора во главе с СССР; 80-летие Мюнхенского диктата 30 сентября 1938 г., означавшего территориальную ревизию версальских границ и начало внутривосточного и территориального распада Первой Чехословацкой республики; а также 100-летие выхода из состава Австро-Венгерской империи Габсбургов независимого Чехословацкого государства 28 октября 1918 г. и образования независимого Чешского государства 1 января 1993 г.

На этом фоне более в тени остаются юбилейные для 2018 г. события Пльзеньского антикоммунистического восстания 31 мая – 2 июня 1953 г., 150-летие основания чешского национального театра, 170-летие европейских революций 1848 г. и Первого Славянского съезда в Праге 1618 г., основание Национального музея (1818), а также 400-летний

юбилей восстания чешских сословий (23 мая 1618 г., «Пражская дефенестрация»), поражение в котором означало для чешских земель окончательное утверждение власти Габсбургов, длившегося три столетия вплоть до конца Первой мировой войны, и многие даты богатой средневековой истории, в том числе гибель чешского короля из династии Пржемысловичей Отакара II (1278), основание Карлова университета (1348), смерть чешского короля и Императора Священной Римской империи Карла IV (1348).

Говоря о статусе «исторических» дней ежегодного календаря, следует отметить, что в чешском контексте имеет место двухуровневое разделение на праздники (государственные) и знаменательные дни. В период социализма использовался же термин «Памятные дни».

Обращаясь к генеалогии праздничных дат в истории чехословацкой государственности, отметим, что первым государственным праздником Первой республики стало 28 октября как день «возникновения свободной Чехословацкой республики» в 1918 г. на основании закона 555/1919 от 14 октября 1919 г. [3, с. 54]. Именно тогда мы можем зафиксировать выше обозначенную парадоксальную ситуацию: изобретение праздника и его одновременное проведение. Примечательно, что именно в контексте введения данного праздника утвердился термин «праздник государственный» (*státní*) в противоположность широко представленного в прессе того времени наименования «праздник национальный» (*národní*) [3, с. 90–92].

В 1925 г. на основании специального закона о праздниках и памятных днях (№ 65/1925 от 3 апреля 1925 г.) были введены следующие памятные даты: 5 июля, 28 сентября, 6 июля и 1 мая. Каждая из них отсылала к важным пластам формирующейся государственной идеологии и публичного нарратива. Так, 5 июля стало памятным днем славянских святых Кирилла и Мефодия в рамках политизации культа первославянских просветителей, необходимого для конструирования символической власти над всеми чешскими и словацкими землями [3, с. 312–352]. День 28 сентября отсылал к памяти патрона чешских земель святого князя Вацлава, культ которого имел значительную поддержку в консервативно-католической среде [2]. 6 июля как день памяти объявленного национальным мучеником магистра Яна Гуса был связан с символической ролью гуситской традиции в чешском обществе [3, с. 269–307]. Что касается 1 мая, то в чехословацком контексте эта дата сочетала в себе элементы как традиционной славянской мифологии (праздник

Чародейницы), отсылку к национальному возрождению славянских народов (образ майского месяца был поэтизирован в чешском национальном движении), так и идеи социальной справедливости трудящихся, ставшие популярными еще в период Австро-Венгрии, в том числе в рамках чешского движения социальных демократов, а в ряде случаев и использованных в качестве практик социальной мобилизации во имя строительства процветающего и могучего государства [3, с. 219–267].

Еще одной сопоставимой по значимости с 28 октября датой в календаре с 1989 г. выступает годовщина начала «Бархатной революции», которая с 2000 г. отмечается как «День борьбы за свободу и демократию» («Den boje za svobodu a demokracii») и отсылает к началу новой эпохи в истории Чехии – постсоциалистической трансформации, результаты которой по прошествии 30 лет демонстрируют значительные успехи в деконструкции наследия социализма и рецепции западной модели памяти о событиях 20 столетия. В 2019 г. на основании закона № 48/2019 данное устоявшееся название было изменено на «День борьбы за свободу и демократию и Международный день студенчества».

Из актуальных государственных памятных дат изменения после 1989 г. коснулись практически всего перечня социалистических праздников, из которых были сохранены Новый год, День первого мая и День Победы. На основании закона 1951 г. знаменательными днями Чехословацкой республики были 25 февраля – День победы чехословацкого трудового народа, 29 августа – Словацкое национальное восстание, 7 ноября – День Великой октябрьской социалистической революции. Памятными днями были 5 и 6 июля с соответствующими отсылками на Кирилла и Мефодия и Яна Гуса.

День Победы, отмечавшийся в периода социализма с 1951 г. как День освобождения Чехословакии Советской армией 9 мая («Den osvobození Československa Sovětskou armádou»), на основании закона от 15 мая 1991 г. № 218/1991 по предложению депутата М. Земана был в 1992 г. перенесен на 8 мая в соответствии с общеевропейским каноном и получил название «День освобождения от фашизма» («Den osvobození od fašismu»). На основании закона № 245/2000 в 2001 г. праздник был вновь переименован в «День освобождения» («Den osvobození»), современное название – «День победы» («Den vítězství») – получил лишь в 2004 г. на основании закона № 101/2004.

День обновления Чешского государства, отсылающий к разделению Чехословацкого государства 1 января 1993 г., отмечается с 1 января с

2001 г. на основании закона № 245/2000. В соответствии с этим же законом был вновь учрежден упраздненный в период социализма День чешской государственности, отмечаемый 28 сентября в день патрона чешских земель святого князя Вацлава.

Остальными праздниками, которые также являются выходными днями, остаются, но без привязки к государственным датам, Новый Год (1 января), Пасхальный понедельник, День труда (1 мая), Рождественские праздники 25–26 декабря. Примечательно, что все эти дни, за исключением установленного в 2016 г. дополнительного выходного дня в предпасхальную Великую пятницу, были официально узаконены еще в 1951 г.

Для представления ежегодной циркуляции «знаменательных дней», официально введенных в Чешской Республике, приведем их с указанием года издания закона о включении в данный список на примере 2019 г.: 16 января – день памяти Яна Палаха (2013), 27 января – День памяти жертв Холокоста и предупреждения преступлений против человечества (2004), 8 марта – Международный день женщин (2004), 9 марта – День памяти жертв уничтожения семейного лагеря из Терезина в лагере смерти Освенцим-Биркенау (2017), 12 марта – День вступления Чешской Республики в Североатлантический альянс (НАТО) (2004), 28 марта – День рождения Яна Амоса Коменского (2014), 7 апреля – День образованности (2006), 5 мая – Майское восстание чешского народа (1990), 15 мая – День семьи (2006), 10 июня – День памяти жертв уничтожения деревни Лидице (2006), 18 июня – День героев Второго сопротивления (2017), 27 июня – День памяти жертв коммунистического режима (2004), 8 октября – Памятный день сокольского движения (2018), 11 ноября – День военных ветеранов (2004).

Представленный краткий обзор генеалогии практик актуализации исторических юбилеев в чешском контексте, а также конкретные примеры их презентации в современности указывают на недостаточность и ограниченность интерпретации исследуемого феномена на основании исключительно причинно-следственных (диахронических) реконструкций. В этом ключе необходимо обратить внимание на пассаизм [1, с. 32], как режим историчности, наиболее востребованный в современном чешском контексте, представляющий попытку обоснования актуальной общественно-политической повестки исходя из уроков, которые, по мнению чешских интеллектуалов, обществу надлежит извлечь из своего прошлого, с особенным акцентом на травматическое измерение.

Данная модель проработки прошлого одновременно претендует на универсальность как транслируемая франшиза постсоциалистического опыта преодоления тоталитарного прошлого XX в., предназначенная для стран постсоциалистического пространства, имевших сопоставимые исторические аналогии в прошлом. Опыт трансформации призван вдохновить интеллектуальные сообщества данных стран на ту или иную форму социального действия в целях недопущения возвращения «тоталиты».

### Библиографический список

1. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. Москва. С. 19–38.
2. Бобраков-Тимошкин А. «Пусть горят костры!» Попытка ностальгической культурной революции в Чехословакии в 1938–1939 годах // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu\\_za.](https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_za.) . (дата доступа: 15. 10. 2021).
3. Hájková D., Horák P., Kessler V., Michela M. (eds.). Sláva republice!: oficiální svátky a oslavy v meziválečném Československu. Praha: Academia, 2018.
4. Hroch M. Paměť a historické vědomí v kontextu národní spolutnosti // Česká paměť: národ, dějiny a místa paměti. Praha: Academia, 2014. S. 21–55.
5. Kraus M. Dvacet pět let tranziční spravedlnosti a vyrovnávání se s minulostí ve střední a východní Evropě // Česká paměť: národ, dějiny a místa paměti. Praha: Academia, 2014. S. 110–130.
6. Tuček J. Paměť // Koncepty a dějiny: Proměny pojmů v současné historické vědě. Praha: Scriptorium, 2014. S. 244–257.